

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИК

ЧТО Я ЗНАЛ про Владимира Александровича? Что уехал он отсуеты подалше и купил избушку на краю села — знал. Что художник он от бога (за 15 минут портрет нарисует — весь характер человека как на ладони) — знал. Что он вообще на все руки мастер и нет для него секретов ни в кузннице, ни в столярке, ни в камнерезной мастерской — тоже знал. Поэтому читатель поймет, с каким нетерпением я спешил на встречу с этим человеком.

Хозяин оказался мастер (что-то около тридцати пяти), приветлив, кельсыки, в сугубо деревенском облачении — телогрейке и сапогах. Свободно спадающие, слухавшиеся смоляные волосы, небольшая борода с усами придавали еще большее сходство с крестьянином-землянином. Через небольшой двор, установленный полусамодельной техникой и клетками с кроликами, прошли в избу.

— Хозяйство завело, — посмеивается Владимир, — делом заняться некогда.

— Как получил золотую медаль ВДНХ? Рисовал с детства. Потом поступил в Свердловские в 42-е училище на ювелира — показалось скучно, перевелся в группу камнерезов. А училище посылало каждый год лучшие работы на ВДНХ. Вот таким образом я получил сначала бронзовую медаль — за работу «Русский хоровод» (помнится, обменял ее, эту медаль, на импортные краски), а на следующий год за «Данилу-мастера» — золотую. Вот, — порыжился я столбе журналов, протягивает мне один из них, с цветной фотографией на обложке. Да, это он, Владимир, 15 лет назад, что-то подтачивает у своего «Данилы».

— После окончания училища попал на завод «Русские самоцветы», а там система такая: резчик камень распиливает на заготовки, а ты уже полируешь, что там на потоке — чернильницы, пепельницы, сделаешь в ОТК. Не очень фантазий разгуляешься, план над Духшой висит. А чуть погода привезли друзья аметистовые. Я посмотрел, подогнал, что-то сделал из нее — понравилось, перевели в модельеры. Но — это все было не то. Пляч, заданья... Хотелось работать свободно.

— Фазе у нас нет мастеров, которые творят, разбираясь только со своей фантазией?

— Сейчас не знаю, — жмет плечами, — может, где-нибудь в геологической партии, только не на заводе. Потом выписал подвал под мастерскую (а для ЖКО фигуры из дерева на детскую площадку выражал), да пожарники выжили — не положено.

— На камни хочешь посмотреть? — меня угаривать не надо, через двор проходим в низенькую при-

кладную мастерскую. Длинный стол вдоль стены, стеллажи с панками и книгами. Довольно эскетично, но... вот появляется груда (так бы и приписал «драгоценных») камней — и глаза разбегаются. Вот один мрачно и таинственно смотрит прямо в душу черным полированным глазом — обсидиан — вулканическое стекло. Веселый, голубой с белой резьбой — амазонит. А это что, насыщенно-желтый, как костер в темном лесу?

— Это из агатов, кштейтенский перелив называется.

— Тебя в училище научили в камнях разбираться?

— Да ну, там кроме шкатулки Матса (это шкатулка творчества камней, где на первом месте изюминка, на последнем — алмаз) ничего не поучернешь. Вся, что знаю, — из книг. А вот, взгляни, сердючки. Видишь, с этой стороны узор? Он внутри должен быть ясный.

Подошли к стоящему у углу станку. Владимир включил мотор.

— Здесь ты операция... по ходу разгладит долин, — распиловка, обдирка на наждаке и полировка.

Вот камень распилен, и чугунная планшайба по микронам выравнивает поверхность.

— Володя, наверное, 100 лет назад камень обрабатывали точно так же?

— Конечно, только вместо мотора подсобник крутил за ручку.

— А это вредная работа?

— Если всю жизнь занимаешься, спонжик можно заработать, хотя самым вредным для обработки считается малахит...

И в воображении сразу предстали полесские камнерезы, чахнувшие раньше времени, «разглаживая» на станках волшебный зеленый узор.

— Говорят, камень нужно чувствовать?

— Любый материал нужно чувствовать, иначе ничего интересного не получится, — и рисунок камня, и фактуру дерева. Это мастера и отличает.

— В Свердловские предложила какая-то хозрасчетная организация покупать мои поделки, так у меня камня не лишку. Хотя... поведи — можно выбрать.

— А что, это разрешается искать камень, быть заман?

— Золото, слышал, разрешили искать, думаю, эминимов (хотелось за камнем) тоже поискать не будут.

— А где искать, знаешь? — Ну... малахит, известно где — в Полесском да в Талин — эстони, агаты — под Камчаткой-Уральским, галечники прямо по берегу. В Малахитке былили варьядом добывали, изумруды встречались...

Пьем чай с душицей в избе. Тут не поймешь, где кончается мастерская и начинается жилье помещи-

— кругом какие-то причудливые пенки, заготовки, начаты резные фигурки и стружки, стружка...

— Творчество... А я сразу: было бы желание. Ты думаешь, кто меня научил клевать (з то, что выковыл Владимир, у него оторвали, что называется, с руками, мне даже посмотреть ничего не осталось — В. И)? А вот они — на стол легла пачка журналов «Сделай сам» — жалко, подписаться нынче не слог.

— Деньги? Деньги делать можно из чего угодно. Вон из глины (глина здесь отличная) игрушки можно на продажу, кринки.

— И будут покупать?

— Смотря какие, — смеется, — как говорится, не боги горшки обжигают, но и горшок горшку рознь. Видишь, через дорогу столбы. Там мастерскую хочу делать, ивы припаста да мебель из нее плести, легкую, дачную. Творчество... это всегда со мной, вот только время — быт заел.

— Ты рисовать учишься?

— Да, ходил одно время в вечернюю художественную школу. Сейчас? Покинул, нехотел писать, сижу, нехотелось, не по мне. Что-то сюжетное — тогда надо хорошую мысль иметь, стоящую.

— Вот, посмотри, — в руках у Володи папка, чувствуется, самая-самая, — Это наброски, эскизы, что будет когда-нибудь... или не будет.

Медленно, даже настороженно, перекалдываются листки ватмана. Кажется, я его понимаю. Кто-то сказал: показать свои стихи все равно что раздеться и нагишом пройти по улице. Вот и сейчас передо мной лежит его поэзия, воплощенная в рисунке, — мысль, вдохновение, трепет души человеческой. И почему он все время подмеивается над собой, не защитный ли это рефлекс от беспардонного суждения, чужого, безапелляционного взгляда на его самовыражение?

— Вот это будет из керамики, эти светильники — из металла, а вот посмотри что-то из сюрреализма — будет в дереве...

— Почему из города уехал? Так ведь кому как, если, положим, человек «крутитесь», или фаянсовщик, или компанию любит, тем, конечно, только в городе и жить. Для меня же город — как гостиница, голые стены, а хочется что-то делать.

— А не хотел бы ты заняться чем-то одним, копнуть глубже?

— Так на чем же остановиться, — смеется, — известно, самое трудное — право выбора...

Хорошо ему. Не кажется человеком, не кажется всевышнему на репутацию нашу мизан. Живет и делает то, что хочет, к чему душа лежит. Хорошо ему.

А провожали меня два Владимира. Владимир Александрович Мельников — художник, и Владимир — портрет, замуроченный ватмановидный отнюдь из-под деревянной расей челки... на сей раз без смея.

В. КОБИНЫХ.